

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

ХРОНИКИ
НЕТЕСАНОГО
ТРОНА

КЛИНКИ ИМПЕРАТОРА
ОГНЕННАЯ КРОВЬ

ОГНЕННАЯ КРОВЬ

Хроники Нетесаного трона. Книга 2

БРАЙАН
СТЕЙВЛИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
С 79

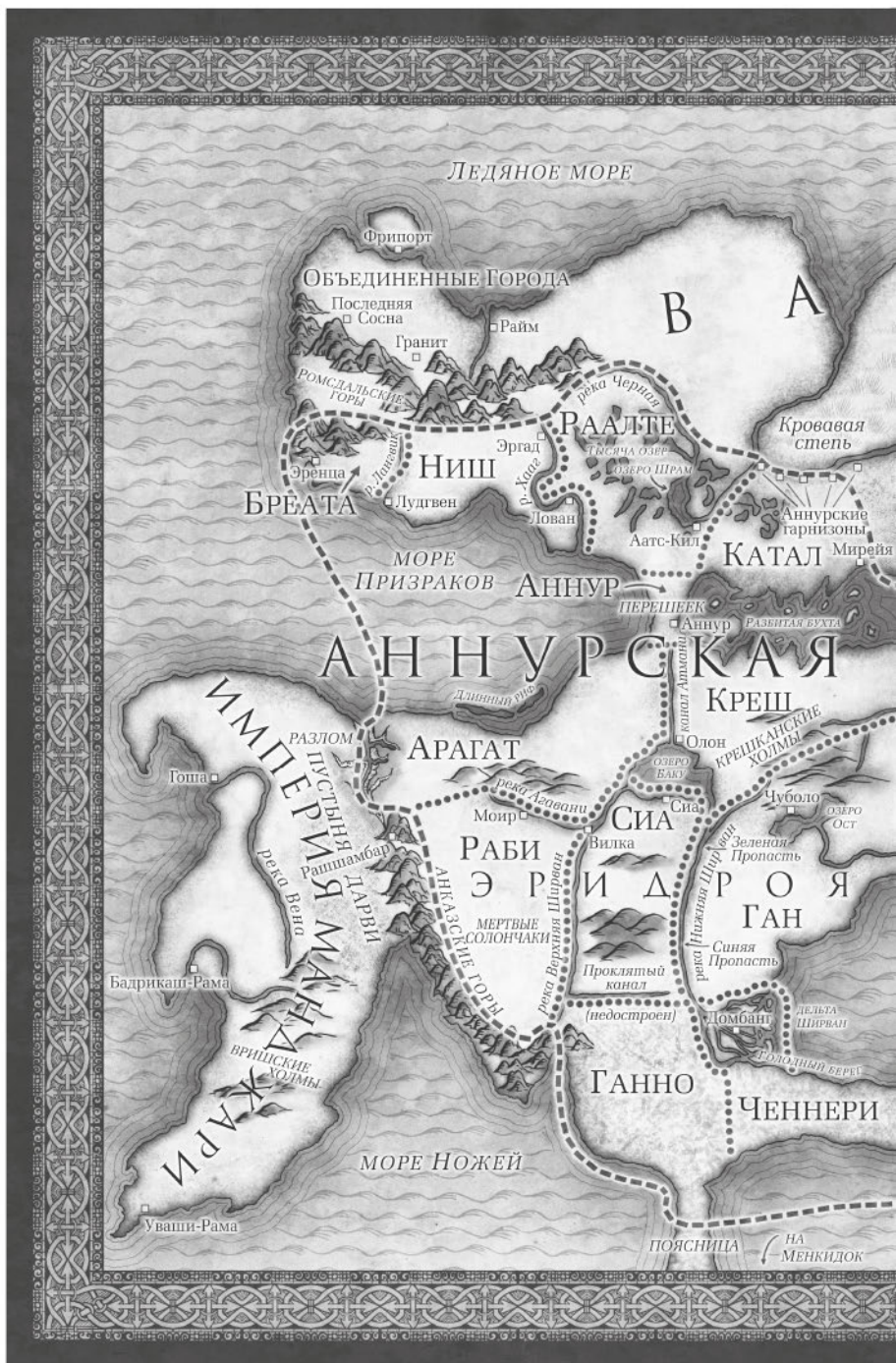
Brian Staveley
THE PROVIDENCE OF FIRE
Copyright © 2014 by Brian Staveley
Map by Isaac Stewart
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Liza Dawson Associates (США) при содействии агентства
Александра Корженевского (Россия).

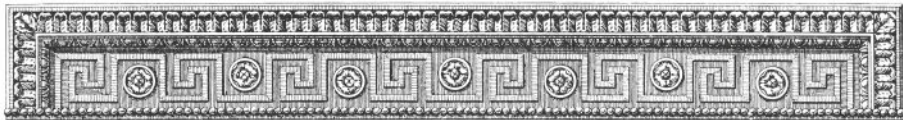
Перевод с английского Галины Соловьевой
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-21115-5

© Г. В. Соловьева, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ПРОЛОГ

К тому времени, когда Сивоана шагнула с верхней ступеньки лестницы в жестокий ночной холод на вершине башни, легкие у нее горели пожаром, как и улицы далеко внизу. Подъем длился не один час — точнее сказать, полночи. Сопровождавший ее гвардеец не выглядел усталым, но ведь он, как всякий из эдолийской стражи, раз в месяц в полном вооружении взбегал на вершину Копья Интарры и теперь без труда поспевал за молодой императрицей с тремя маленькими детьми. А вот она едва держалась на ногах. Каждая площадка манила остановиться, присесть, прислониться спиной к деревянным опорам лестницы, закрыть глаза и провалиться в сон.

«Уж очень я раскисла, — снова и снова повторяла она себе, потому что только упреками удавалось подстегнуть подгибающиеся ноги. — Разнежили меня мягкие постели».

По правде говоря, она больше беспокоилась за детей, чем за себя. Все они уже поднимались на вершину Копья, но в такой спешке — впервые. Обычно подъем растягивался на два дня, в перерывах можно было подкрепиться и отдохнуть на заранее разостланных рабами перинах. Тогда восхождение было в удовольствии, а до такой свирепой гонки дети еще не доросли. Но муж настаивал. А императору Аннура не противоречат.

— Это их город, — сказал ей Санлитун. — Сердце империи. Они должны его видеть. Впереди их ждут трудности и похуже этого подъема.

Сам-то он не подумал пешком взбираться на башню, поцелуй ее Кент. Крыло кеттрал — пятеро одетых в черное мужчин

и женщин с суровыми взглядами — вознесло императора на вершину Копья на своей ужасающе огромной хищной птице. Сивоана понимала причину спешки: город терзали пожары, и мужу нужно было увидеть их сверху, чтобы обдумать план спасения. Аннур не мог дожидаться, пока император одолеет десять тысяч ступеней.

Кеттрал предлагали вернуться и за ней с детьми, но она отказалась. Санлитун уверял, что птица ручная, но ручная не значит кроткая, и Сивоана не собиралась доверять детей когтям твари, способной одним махом порвать на куски быка.

И вот, пока император с высоты командовал тушением пожаров, Сивоана с великим трудом одолевала лестницу, проклиная и требовавшего ее к себе мужа, и свои годы. Эдолиец шагал бесшумно, а вот дети, растеряв первый энтузиазм, выбивались из сил. Адер была старше и сильнее братьев, но и ей было всего десять, и девочка очень скоро начала шумно пыхтеть. Кадену и Валину приходилось хуже. Ступени — позднее человеческое сооружение внутри невероятной древней башни из закаленного стекла — были высоки для коротких детских ног, и мальчики то и дело спотыкались, задевая боками и локтями деревянные перекладины.

Первые тридцать этажей лестница висела между министерскими канцеляриями и роскошными покоем. Приспособленные для людей комнаты кончались на тридцатой площадке. Выше тянулась представлявшаяся бесконечной прозрачная скорлупа, где шаткая лестница, подвешенная в центре невиданной стеклянной колонны, витками поднималась вверх и вверх в огромной пустоте. Еще через сто шагов она пронизывала тюремную площадку из сплошной стали — и карабкалась дальше. Днем могло показаться, будто взбираешься внутри столба чистого света. А вот ночью пустота вокруг кружила голову и даже пугала. Ничего, кроме винтовой лестницы в темноте и гневного зрелища горящего Аннура за стенами Копья.

Муж требовал не медлить, но Сивоана, решив, что город может гореть и без них, на каждой площадке уговаривала детей передохнуть. Однако Адер скорее умерла бы, чем разочаровала отца, а Валин с Каденом, как бы плохо им ни приходилось, угрюмо держались, молча поглядывая друг на друга в откровенной надежде, что брат сдастся первым.

Выбравшись наконец из люка на вершине, все трое валились с ног, поэтому Сивоана раскинула руки, отгораживая детей от парапета на краю продутой ветром вершины Копья Интарры. Могла бы не трудиться. Эдолийцы — Фултон и Бирч, Иан и Трелл — уже обступили детей, даже здесь храня их от неуклонной и невидимой угрозы. Она, с проклятиями на языке, обернулась к мужу, но осеклась перед лицом пожирившего город пожара.

Конечно же, они видели его изнутри Копья — разбитые стеклянными стенами яростные отблески, — но отсюда, с невероятной высоты башни, улицы и каналы казались линиями на карте. Протянув руку, Сивоана ладонью закрыла бы целые кварталы: Кладбищенский или Нижний рынок, Западные псарни или Доки. А вот потушить пожар не сумела бы. В начале подъема докладывали, что горит на западной окраине Аннура — злое пламя ограничивалось десятком улиц. Но за время их нескончаемого восхождения огонь распространился, ужасающе распространился, пожрав все к западу от дороги Призраков, и теперь, раздуваемый свежим ветром с моря на западе, лизал восточный конец дороги Богов. Она попробовала подсчитать, сколько сгорело домов, сколько оборвалось жизней. Но не сумела.

Санлитун обернулся на стук захлопнувшейся крышки люка. Сколько лет они были женаты, а она до сих пор терялась под его взглядом. Адер и Каден унаследовали горящие радужки отца, но в детских глазах свет казался теплым, дружелюбным, как огонь камина зимой или солнечный блеск. Глаза Санлитуна горели ровным бесстрастным пламенем, в их свете не было ни тепла, ни дыма. И лицо его ничего не выражало. Можно было подумать, он полночи любовался, как звезды движутся своим путем в темноте или лунном сиянии над волнами, а не сражался с губившими его город пожарами.

Она почувствовала, как подтянулась Адер под взглядом Санлитуна. Потом, у себя в покоях, девочка рухнет без сил, но в присутствии отца, как ни дрожали измученные подъемом ноги, она отказывалась опереться на мать. Глаза Кадена при виде города сделались круглыми как плошки. Казалось, он один здесь, наверху, — семилетний ребенок наедине с пламенем. Только Валин ухватился за ее руку, переплел ее пальцы своими, маленькими, и переводил взгляд с пожара на отца и снова на пожар.

— Вы успели, — сказал император, указывая на темные городские кварталы.

— Что успели? — резко откликнулась Сиюана, задыхаясь от гнева. — Посмотреть, как сгорят десять тысяч людей?

Ответив ей долгим взглядом, муж кивнул.

— В том числе, — тихо сказал он и обернулся к стоявшему рядом писцу.

— Пусть поджигают, — велел он. — По всей длине Анлатунской дороги — от южной до северной границы города.

Писец прилежно склонился над пергаментом, начертал кистью несколько слов, приподнял листок, давая туши высохнуть, а потом поспешно свернул, засунул в бамбуковую трубку и опустил ее в узкую шахту посередине Копья. Сиюана поднималась на Шаэлем клятую башню полночи, а приказ императора будет на месте в считанные мгновения!

Отдав распоряжение, Санлитун вновь обернулся к детям:

— Вы поняли?

Адер прикусила губу. Каден молчал. Только Валин шагнул вперед, сощурившись от огня и ветра. Он повернулся к укрепленным на парапете длинным трубам с линзами, взял одну и поднес к глазам.

— Но Анлатунская не горит, — возразил он, посмотрев в окуляр. — Огонь еще несколькими кварталами западнее.

Отец кивнул ему.

— Зачем тогда...

Мальчик не договорил, в его темных глазах мелькнуло понимание.

— Ты зажигаешь второй пожар, — сказала Адер, — против первого.

Санлитун снова кивнул:

— Оружие будет щитом. Враг станет другом. Сгоревшее больше не загорится.

Очень долго семья стояла молча, не сводя глаз с прогрызающего себе путь на запад пожара. От трубы с линзами отказалась только Сиюана. Она и без нее видела все, что нужно. Огонь медленно и неумолимо продвигался вперед, пока против его красно-золотого ужаса не вспыхнул западный конец города. Загорелись новые огни — поначалу отдельные точки быстро слились в прямую линию и превратили западный край широкой Анлатунской дороги в огненную реку.

— Получилось, — заметила Адер. — Новый пожар идет на запад.

— Хорошо, — резко сказала Сиюана, поняв наконец, что хотел показать им муж, чему хотел научить; ей вдруг отчаянно захотелось уберечь детей от этого зрелища и этой науки. — Хватит с них.

Она потянулась, чтобы забрать у Адер трубу, но девочка отдернула ее и вновь направила на двойной пожар. Встретив гневный взгляд жены, Санлитун поймал ее руку.

— Нет, — тихо сказал он. — Не хватит.

Каден наконец понял.

— Люди! — вскрикнул он. — Они разбегались, спасались на востоке, а теперь им не уйти!

— Они попались! — Адер выронила трубу и развернулась к отцу лицом. — Они в ловушке! Сделай что-нибудь!

— Он уже все сделал, — предположил Валин (страшно было видеть надежду в обращенных на императора детских глазах). — Ты ведь уже отдал приказ? До того, как мы пришли? Ты их предупредил...

Мальчик осекся, прочитав ответ в холодном сиянии отцовских глаз.

— Что я мог приказать? — заговорил Санлитун голосом тихим и неумолимым, как ветер. — Между линиями пожаров живут тысячи людей, Валин. Десятки тысяч. Многие бежали, но как мне спасти тех, кто не успел?

— Но ведь они сгорят, — прошептал Каден.

Император медленно кивнул:

— Уже горят.

— Зачем?! — воскликнула Сиюана.

Она не знала, плачет ли по горящим в своих домах горожанам, чьи крики не долетали на высоту башни, или по своим детям, в ужасе уставившимся на далекие огни.

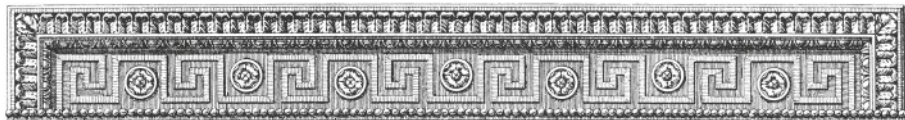
— Зачем им это видеть?

— Когда-нибудь империя перейдет им.

— Чтобы править, защищать — а не губить!

Санлитун все еще держал ее за руку, но взгляда не сводил с детей.

— Они не смогут править империей, — проговорил он с глазами немymi, как звезды, — пока не будут готовы увидеть ее в огне.

I

Стараясь не замечать ни холода гранита под собой, ни жара обьющего в спину солнца, Каден уй-Малкениан подвинулся вперед, чтобы лучше видеть разбросанные внизу каменные строения. Резкий ветер, принесший стынь нерастаивших снегов, драл ему кожу. Он вздохнул, вытягивая тепло изнутри, разгоняя по телу, сдерживая подступающую дрожь. Хотя этому он хорошо выучился за годы монашества. Этому — и больше почти ничему.

Валин рядом с ним шевельнулся, окинул взглядом пройденный путь и снова обратился вперед.

— Вы по этой тропе бежали? — спросил он.

Каден мотнул головой:

— Мы прошли вон там. — Он указал на силуэты каменных шпилей на фоне неба. — Под Когтем, потом восточней Скачка Бьюри, Черного и Золотого Ножей. Шли ночью, а там зверская круча. Надеялись, что тяжеловооруженные солдаты за нами не угонятся.

— Удивляюсь, что угнались.

— Вот и я удивился, — кивнул Каден.

Он приподнялся на локтях, чтобы заглянуть за каменный гребень, но Валин оттащил его назад.

— Голову не высовывайте, ваше сияние, — проворчал он.

Ваше сияние! Титулование до сих пор звучало неестественно, казалось неверным и хрупким, словно весенний лед на горном озере, когда вся его искрящаяся гладь стонет под ногами, готовая дать трещину при первом неосторожном шаге. Слы-

шать это обращение от других было нелегко, а уж от Валина — почти невыносимо. Они, хоть и провели долгие годы врозь, хоть и стали теперь, нажив каждый свои тайны и шрамы, взрослыми, самостоятельными и почти чужими друг другу, все же были братьями. Без малого десять лет обучения не могли стереть из памяти Кадена образ того бесшабашного мальчишки, с которым он гонял по переходам Рассветного дворца, играя в клинки-разбойники. Официальный титул в устах Валина словно вымарывал его прошлое, уничтожал детство, замещая его жестоким настоящим.

Монахи, конечно, сказали бы, что так и надо. «Прошлое есть сон, — говорили они. — Будущее есть сон. Существует только сейчас». А значит, те же монахи, вырастившие и воспитавшие его, теперь уже не люди. Они — падаль, трупы, разбросанные по уступам вниз.

Валин, ткнув пальцем за укрывавшие их камни, оторвал брата от размышлений:

— Мы по-прежнему далеко, но у ублюдков, перебивших твоих друзей, могут быть подзорные трубы.

Каден насупился, возвращаясь к действительности. Он и не вспомнил о трубах: если ему и требовалось напоминание, как мало замкнутая жизнь в Ашк-лане подготовила его к коварным течениям жизни мирской, то вот оно. Он научился рисовать, медитировать, целыми днями носиться по крутым тропам, но рисование, бег и медитация — плохое средство против заговорщиков, убивших его отца, перерезавших монахов хин и чуть не убивших его самого. Каден не в первый раз поймал себя на зависти к воинской подготовке Валина.

Восемь лет Каден умирал в себе надежды и желания, страха и печали, вел нескончаемую битву с самим собой. Хин снова и снова повторяли свою премудрость: «Надежда режет острее стали. Желание есть лишение. Заботы есть смерть». В их словах крылась истина — куда больше истины, чем представлялось Кадену, когда он ребенком попал в горы, — но если он чему и научился за последние кровавые, полные смерти и смятения дни, так это пониманию пределов этой истины. Оказалось, что и сталь бывает достаточно остра. И пусть цепляться за свое «я» смертельно опасно, только вот нож в сердце убивает вернее.

Последние несколько дней враги Кадена множились куда быстрее его личных неудач, и эти новые враги носили блестя-

щие доспехи, сжимали в руках мечи и произносили тысячи лживых слов. Чтобы выжить, чтобы занять место отца на Нетесаном троне, он должен разбираться в подзорных трубах и мечах, в политике и в людях — во всем, чем пренебрегали хин, целиком отдавшись обучению послушников транс пустоты, ваниате. На восполнение пробелов могут уйти годы, а у него этих лет нет. Отец погиб, уже несколько месяцев как мертв, а значит, Каден уй-Малкениан, готов он к этому или нет, теперь император Аннура.

«Пока меня кто-нибудь не прикончит», — добавил он про себя.

Учитывая события последних дней, такой исход представлялся разительно правдоподобным. Люди с оружием, получившие приказ убить его и уничтожить монастырь, достаточно пугали Кадена, и уж вовсе не верилось, что это были представители эдолийской гвардии, присягнувшей его защищать, а распоряжение им отдавали аннурцы с самой вершины имперской пирамиды власти. Пожалуй, возвращение в столицу, чтобы занять Нетесаный трон, представлялось самым верным способом помочь врагам завершить начатое.

«Конечно, — угрюмо размышлял Каден, — чтобы погибнуть в Аннуре, мне пришлось бы сперва добраться до Аннура, а это само по себе можно было бы считать победой».

Валин указал на кромку укрывавшего их каменного бруствера.

— Когда выглядываешь, двигайся медленно, ваше сияние, — посоветовал он, — движение привлекает взгляд.

Хоть это Каден и сам знал. Много лет выслеживая скалистых львов и потерявшихся коз, он научился быть незаметным. Он перенес вес тела на локти и мало-помалу продвинулся туда, где его глаза оказались выше невысокого каменного хребта. Внизу, чуть западнее, может в четверти мили от них, примостился на узком скальном уступе под огромным острым пиком одинокий монастырь Ашк-лан, убежище монахов хин и дом Кадена.

Вернее, то, что от него осталось.

Каден помнил Ашк-лан холодным, но светлым, дочиста выскобленным — строгой громадой серого камня на фоне голубой тверди неба. Он прятался среди широких снежных языков, выбрасывавших блестящие ленточки рек, среди блеска льда на серых обрывах. Эдолийцы с ним покончили. На уступах и валу-

нах чернели широкие полосы копоти, от можжевельника огонь оставил только почерневшие пни. Трапезная, зал медитации и спальный корпус превратились в развалины. Светлый камень стен не горел, зато деревянные балки, кровли, оконные рамы и широкие двери уступили пламени и, обвалившись, увлекли за собой часть кладки. Даже небо потемнело, замаранное жирным чадом пожарища.

— Вон они, — заговорил Валин, указывая на движущиеся на северном краю монастыря фигурки. — Эдолийцы. Разбили лагерь. Должно быть, ждут Мисийю Ута.

— Долго будут ждать! — ухмыльнулся Лейт, подобравшись к братьям.

До знакомства с крылом Валина Каден знал о кеттрал, самых таинственных и смертоносных воинах Аннура, только из детских сказок. Его воображение рисовало мрачных убийц-разрушителей с пустыми глазами, по колено в крови. В чем-то сказки не ввали: черные глаза Валина были холодней прошлогодних углей, а Лейт, пилот его крыла, как будто и думать не думал об оставшихся внизу развалинах и трупях. Несомненно, это солдаты, дисциплинированные, отлично обученные, — только вот Кадену они казались слишком юными.

Лейт охотно улыбался, с явным удовольствием злил Гвенну и дразнил Анник, заскучав — а скучал он часто, — барабанил пальцами по колену... Все это хин выбили из Кадена еще на первом году учения. Не сомневаясь, что крыло Валина умеет и летать, и убивать, Каден все же ловил себя на тревожной мысли: готовы ли эти юнцы к предстоящей трудной дороге? Нет, он и сам к ней не готов, но приятно думать, что хоть кто-то владеет положением.

Мисийю Ута, по крайней мере, опасаться не приходилось. Могучего эдолийца в полном вооружении и доспехе убила молодая женщина с парой ножей в руках — Кадену нелегко было бы в это поверить, если бы он своими глазами не видел тела. Глядя на труп, он ощутил в себе приглушенное удовлетворение, как будто гряда металла и мертвой плоти отчасти уравновесила весы, на другой чаше которых лежали остальные погибшие.

— Не возьмется ли кто протащить в их лагерь труп Ута? — предложил Лейт. — Можно пристроить его так, будто он захрапел, упившись эля. Интересно знать, скоро они заметят, что мерзавец не дышит?

Он, подняв брови, поглядел на братьев:

— Не хотите? Что, мы здесь не за этим?

Они вернулись к Ашк-лану утром: перелетели на запад от своего убогого лагеря в сердце Костистых гор — того самого лагеря, где сразились с преследователями и перебили их. С эдолийцами и с изменниками кеттрал. Перед отправлением довелось горячо поспорить: все сходились на том, что надо слетать посмотреть, нет ли выживших, и попытаться выведать что-нибудь у аннурских солдат, которых Ут и Тарик Адив в погоне за Каденом оставили позади. А спорили, кому лететь.

Валин полагал рискованным брать кого-то, кроме собственного крыла, но Каден напомнил: чтобы разобраться в паутине козых тропок вокруг монастыря, ему нужен знающий местность человек. Первым кандидатом, конечно, представлялся Рампури Тан: он лучше Кадена знал Ашк-лан, не говоря о том, что в отличие от ученика был настоящим бойцом, — и сам пожилой монах, как видно, не сомневался, что будет участвовать в вылазке, несмотря на слова Валина. А вот Пирр доказывала: возвращаться в монастырь вообще глупо.

— Монахи мертвы, да распустит Ананшаэль вязанье их девственных душ, — напомнила она. — Тормоша трупы, вы им ничем не поможете.

Каден задумался, каково быть убийцей, поклоняться богу смерти, сжиться со смертью до того, что та не пугает и не удивляет. Однако он хотел вернуться не ради погибших. Оставался зыбкий шанс, что солдаты перебили не всех монахов — кого-то захватили в плен. Он сам не знал, что мог бы сделать в этом случае, и все же при поддержке крыла надеялся освободить одного-двоих. И уж по крайней мере, увидел бы все своими глазами.

Тан отмел это соображение как сентиментальную дурь. Он считал нужным вернуться, чтобы понаблюдать за уцелевшими эдолийцами, разведать что-нибудь об их намерениях. Чувство вины, мучившее Кадена, представлялось Тану лишним доказательством, что тот так и не научился подлинной отстраненности. Наверное, старый монах был прав. Настоящий хин с корнем бы вырвал те тугие кольца, что сжимали ему сердце, и один за другим срезал бы шипы чувств. Вот только хин, не считая Тана и самого Кадена, не осталось в живых: все двести монахов убиты — из-за него — в одну ночь; двести мужчин и мальчиков,

стремившихся лишь к бесстрастной пустоте ваниате, сожгли и зарезали во сне, чтобы не осталось свидетелей нападения аннурцев. Что бы ни произошло в Ашк-лане, это случилось из-за Кадена. Он не мог туда не вернуться.

С остальным было проще. Валин командовал крылом. Валин повиновался императору, так что, сколько бы ни возражали Тан с Пирр и что бы ни думал он сам, Валин кивнул, подчиняясь, и вместе с крылом доставил Кадена к тому, что осталось от его дома в горах. Чтобы их не увидели из монастыря, они опустились чуть восточнее и последние мили покрыли пешком. Шагалось легко, большей частью под уклон, но с каждым шагом у Кадена сильнее теснило в груди.

Эдолийцы не потрудились скрыть следы бойни. Не было нужды. Ашк-лан лежал за пределами империи, слишком высоко для ургулов, слишком далеко к югу для эдов, просто слишком далеко для купцов и торговцев, поэтому тела в бурых рясах остались валяться на главном дворе — обгоревшие или срубленные на бегу — и засохшая кровь пятнала камни.

— Полно монахов, — кивнул в сторону монастыря Лейт, — и все мертвее некуда.

— А те? — Валин указал на людей, которые сидели рядком, поджав под себя ноги и устремив неподвижные взгляды на равнину за краем уступа. — Они живы?

Лейт поднял подозрительную трубу.

— Не-а! Зарезаны. Ножом в спину. — Он покрутил головой. — Не пойму, чего ради они там торчали. Они же не связаны.

Каден осмотрел обмякшие тела и закрыл глаза, воображая, как все было.

— Они не пытались бежать, — сказал он. — Они искали спасения в состоянии ваниате.

— Ага-а... — насмешливо протянул пилот. — Непохоже, чтобы нашли.

Разглядывая мертвых, Каден вспоминал потрясающую эмоциональную пустоту — ни страха, ни гнева, ни волнений. Он пытался представить, как монахи сидели, уставившись в широкую зеленую степь, пока в нескольких шагах позади горел их дом, как созерцали холодные звезды, подставляя ножу спины.

— Никогда не знаешь, чего ждать от ваниате, — тихо сказал он.

— Вот уж неожиданностями я сыт по горло, — проворчал Валин.

Он перекатился на бок, чтобы видеть Кадена, и тот снова поймал себя на мысли, что ищет брата — того, которого знал, — под рубцами и шрамами, за неестественно черными глазами. Маленький Валин был смешлив и улыбчив, а Валин-солдат выглядел таким загнанным и измученным, словно даже небу над собой не доверял, словно сомневался даже в собственной намоленной руке, сжимающей обнаженный меч.

Каден уже знал в общих чертах, что и Валина преследовали заговорщики, желавшие покончить с родом Малкенианов. В чем-то Валину пришлось хуже. Эдолийцы нанесли внезапный и жестокий удар прямо в сердце Ашк-лана, но эти люди были Кадену незнакомы, и коварство выпада не задело его за живое. А лучшую подругу Валина убили его же соратники. Военный орден, которому Валин посвятил жизнь, подвел его — подвел или предал. Каден с тревогой думал, что в заговоре замешано командование кеттрал, само Гнездо. Понятно, почему Валин был измотан и насторожен, но читалось в его взгляде что-то еще: темнота глубже страдания и горя, и эта темнота тревожила Кадена.

— Подождем здесь, в укрытии, пока не вернутся Анник с Талалом и Гвенной, — сказал Валин. — Если те не отыщут выживших монахов, уйдем туда, откуда пришли, и оседаем нашу птичку, поцелуй ее Кент.

Каден кивнул. На пути сюда в глубине живота завязывалось напряжение — тугой узел потерь, горя и гнева. Он принялся распускать этот узел. Он добился поиска уцелевших, но, по всей видимости, никто не спасся. Остаточные эмоции не сулили ничего хорошего, только мутили рассудок. Однако, сколько он ни пытался сосредоточиться на дыхании, в памяти, как сейчас, в поразительных подробностях всплывали лица Акйила, Патера, Шьял Нина. Где-то там, среди обгоревших построек, лежали все, кого он знал, и, не считая Рампури Тана, все, кто знал его.

Любой другой, не прошедший школу хин, на его месте утешался бы надеждой, что со временем эти лица поблекнут, память притупится, но монахи научили его помнить. Образы убитых друзей навсегда останутся яркими и живыми; сохранятся во всех ужасных подробностях и очертания их распростертых

тел. «Вот потому-то, — мрачно сказал себе Каден, — ты и должен отвязать чувства от фактов». Хин научили его и этому, один навык уравнивал другой.

Позади тихо зашуршала о камни ткань. Обернувшись, он увидел рядом Анник и Талала — снайпершу и лича из крыла. Оба скользили на животах по каменным плитам, словно отроду передвигались подобным образом. Подобравшись вплотную к Валину, Анник первым делом наложила на тетиву лука стрелу, а Талал просто покачал головой.

— Плохо дело, — тихо сказал он. — Ни одного пленника.

Каден молча разглядывал лича. Удивительно: мужчины и женщины, которых во всем Аннуре сжигали живьем или забивали камнями за их противоестественные способности, открыто служили среди кеттрал. Каден всю жизнь слышал, что личи опасны и ненадежны, что странные силы искажают их рассудок. Он, как и все, вырос на рассказах о личах-кровопийцах, личах — лжецах и ворах, об ужасных личах-правителях, атмани, расшатавших своей гордыней империю, которой покушались править.

«Еще один пример того, как мало я знаю», — напомнил себе Каден.

За эти несколько коротких, трудных дней после бойни и спасения он не раз пытался заговорить с Талалом, хоть немного узнать этого человека, но лич-кеттрал был молчаливее и сдержаннее остального крыла. Он неизменно оставался вежлив, но расспросы мало что давали Кадену, и после десятого или двенадцатого уклончивого ответа тот решил меньше говорить и больше наблюдать. Перед вылетом он заметил, как Талал мажет угольком от костра блестящие кольца в ушах, потом браслеты и перстни, добиваясь, чтобы металл сравнялся темнотой с его кожей.

— Почему бы просто не снять их? — спросил он.

— Никогда не знаешь, что может пригодиться, — медленно покачал головой Талал.

«Колодец!» — сообразил Каден.

Каждый лич черпал свою силу из определенного источника. Рассказывали о людях, вытягивавших силу из камня, о женщинах, обращавших в свою пользу терзающий людей ужас. Металлические колечки выглядели вполне невинно, но Каден поймал себя на том, что таращится на них, словно на ядовитых пауков. Он с трудом затоптал огонь эмоций и заставил себя видеть че-

ловека, каков он есть, а не образ из страшных сказок. По правде сказать, из всего крыла Валина Талал казался самым надежным и самым вдумчивым. Его способности пугали, но Валин, кажется, доверял личу, а у Кадена не так много осталось союзников, чтобы поддаваться предрассудкам.

— В этих скалах можно искать целую неделю, — произнес Талал, указывая на зубцы утесов. — Если пара монахов и выскользнули за оцепление, зная местность, в темноте...

Бросив взгляд на Кадена, он не стал заканчивать фразу, а в глазах его мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— В юго-восточном квадранте чисто, — сообщила Анник.

В отличие от Талала, который опасался задеть чувства Кадена, лучница была к ним равнодушна. Она говорила рублеными фразами, едва ли не со скукой в голосе, а льдистыми голубыми глазами без усталости обшаривала окружающие скалы.

— Следов нет. Крови нет. Славная была атака. Для эдолийцев.

Многозначительная оговорка. Эдолийцы считались лучшими воинами Аннура, проходили тщательный отбор и, не жалея сил, готовились охранять императорскую семью и важных гостей. Каден не представлял, как удалось склонить часть гвардейцев к измене, зато откровенное презрение Анник много говорило о ее собственных способностях.

— Что они там делают? — спросил Валин.

— Едят, спят, чистят оружие, — пожал плечами Талал. — Про Ута и Адива еще не знают. Нас не заметили, и не в курсе, что мы перебили гнавшихся за Каденом солдат.

— Долго они здесь пробудут? — спросил Каден.

Он видел, что убийцы сделали свое дело, но все же что-то тянуло его спуститься вниз, обойти развалины, заглянуть в лица павших.

— Не возьмусь предсказать, — ответил Талал. — Им неоткуда узнать, что преследовавший вас отряд погиб.

— На такой случай должны быть инструкции, — заметила Анник. — Ждать два-три дня, потом начать поиски или отступить.

Лейт закатил глаза:

— Ты не поверишь, Анник, но не все рабски блюдут инструкции. Возможно, у них вовсе нет плана.

— И потому, — холодно ответила снайперша, — если дойдет до драки, мы их перебьем.

— До драки не дойдет, — покачал головой Валин. — Там, должно быть, человек семьдесят-восемьдесят...

Его прервала тихая, но свирепая брань за спиной.

— Халом драный ублюдок, поцелуй его Кент! — плевалась Гвенна, легко переваливаясь через каменный гребень и падая в низкую боевую стойку. — Шлюхин сын, жополиз...

— Тише там! — развернулся к ней Валин.

Рыжая небрежно отмахнулась:

— До них четверть мили, Валин, и ветер в нашу сторону. Не услышат, хоть бы я во весь голос орала боевой гимн Шаэлем клятых кеттрал.

И такой вольности Каден тоже дивился. По Рассветному дворцу ему помнилось, что дело солдат — четко салютовать и повиноваться без рассуждений. А крыло Валина, хоть и оставляло за командиром последнее слово во всех решениях, в остальном ничуть не выказывало ему почтения. Вот эта, Гвенна, просто плевать хотела на субординацию. Каден подметил раздражение на лице брата: стянулась кожа у глаз, сжались челюсти.

— О котором ублюдке речь? — осведомился Лейт. — В последние дни их вокруг полно.

— Адив, хрен крученный, — пояснила Гвенна, мотнув головой в сторону северо-востока. — Надутый, с повязкой на глазах.

— Мизран-советник, — тихо вставил Каден.

Один из высших постов в империи, притом не военный. Каден, еще не подозревая предательства, удивлялся, почему такой человек прибыл с эдолийцами. Теперь это стало лишним доказательством — если он еще нуждался в доказательствах, — что заговор захватил самых доверенных обитателей Рассветного дворца.

— Кем бы он ни служил, он там, — ответила Гвенна. — Пешком тащится со стороны гор. Сотня-другая шагов в сторону — и наткнулся бы на нашу птицу.

Валин сквозь зубы втянул воздух.

— Мы знали, что Тарик Адив жив, — тела ведь не нашли. Теперь знаем, где он. Балендина не видела?

Гвенна покачала головой.

— Хоть что-то, — заметил Валин.

— Да ну? — удивился Лейт. — Балендин из них двоих наверняка опаснее.

— Почему ты так считаешь? — спросил Каден.

Лейт вытаращил глаза.

— Да ведь Балендин кеттрал! — выпалил он так, словно это все объясняло. — Прошел ту же подготовку, что и мы. И к тому же он лич.

— Адив тоже лич, — напомнил Талал. — Потому они и нашли след Кадена в горах.

— А я думал, они пустили по следу пауков, — сказал Лейт.

Талал кивнул:

— Но кто-то должен был ими управлять, держать их в руках.

— Теперь уж не важно, — подытожил Валин. — Балендин пропал, а Адив здесь. Будем исходить из того, что есть.

— Я его вижу, — сказала Анник.

За время разговора лучница бесшумно переместилась в укрытие между двумя валунами и до половины натянула тетиву.

Каден заглянул за гребень. Он не сразу высмотрел человеческую фигуру, ковылявшую по мелкому руслу в трехстах шагах от них. Лица советника он на таком расстоянии не различал, но красный плащ, золотые обшлага и порядком потускневший, но все же бликующий воротник исключали ошибку.

— Быстро добрался, — заметил Талал.

— У него были ночь, день, еще одна ночь и утро, — презрительно буркнула Гвенна. — А от места, где мы его потеряли, не больше семидесяти миль.

— Я и говорю, быстро добрался, — подтвердил Талал.

— Думаешь, он мошенничал? — спросил Лейт.

— Думаю, он лич, — ответил Талал.

— Это... да, — ухмыльнулся пилот.

— Когда в другой раз попадем в переделку, — сверля его взглядом, отозвался Талал, — напомни мне, чтобы не «мошенничал».

— Снять его? — спросила Анник.

Она уже натянула тетиву до уха и, несмотря на огромное, должно быть, усилие, застыла как каменная. Каден снова выглянул за гребень. С такого расстояния он едва различал повязку на глазах Адива.

— А не слишком далеко?

— Не слишком.

— Стреляй, Анник, — велел Валин и обернулся к брату. — Она попадет. Как — меня не спрашивай.

— Сейчас, — помедлив, проговорила Анник. — Он проходит за камнями.

Каден перевел взгляд с нее на Валина, потом на каменистую лощинку, в которой скрылся Адив. Они часами лежали на брюхе, выжидая и наблюдая, а теперь все вдруг завертелось. Он полагал, что за ожиданием последуют беседы, размышления, перебор фактов и обмен мнениями. И вдруг, без всяких разговоров, человек умрет — изменник и убийца, но все же человек.

Кеттрал это, как видно, не волновало. Гвенна с Валином смотрели за скалы: подрывница — с нетерпением, Валин — с молчаливой сосредоточенностью. Лейт задирает Талала:

— Ставлю серебряную луну, она прикончит его с первого выстрела.

— Против Анник ставить не буду, — ответил лич.

Пилот выругался.

— А сколько поставишь на нее? Десять к одному, что промажет?

— Разве что пятьдесят, — ответил Талал, откинувшись gladким затылком на камень и вглядываясь в небо.

— Двадцать.

— Нет, — сказал Каден.

— Ладно, двадцать пять.

— Никаких ставок, — договорил Каден, тронув Валина за плечо. — Не убивайте его.

Валин, оторвав взгляд от долины, обернулся к брату:

— Что?

— О, Шаэлева любовь! — возмутилась Гвенна. — Кто здесь командир крыла?

Валин ее не слушал. Он сверлил Кадена черными, поглощающими свет глазами.

— За всем этим стоит Адив, ваше сияние, — заговорил он. — Он и Ут. Они убили монахов, они пытались убить вас, не говоря уж о том, что явно замешаны в убийстве нашего отца. Ута больше нет, значит там внизу главный — Адив. Убив его, мы отсечем зверю башку.

— Снова держу его, — сообщила Анник.

— Не стреляй, — настаивал Каден, мотая головой в усилии разобраться в своих мыслях.

Много лет назад он, ловя отбившуюся козу, оступился на берегу Белой реки и свалился с обрыва в воду. С великим трудом удерживая голову над бурной водой, отталкиваясь от вырастающих над ним валунов, он все время помнил, что через четверть мили река срывается водопадом со скалы. Некогда было помедлить, задуматься, и необходимость действовать привела его в такой ужас, что, уцепившись наконец за бревно и выкарабкавшись на сушу, он еще долго трясся на берегу. Хин учили его терпеть, но совсем не учили спешить. И сейчас, под взглядами всего крыла, при виде зачерненного углем наконечника стрелы, нацеленной в Адива, он снова почувствовал, что его уносит неуправляемым течением.

— Еще несколько секунд — и он в лагере, — предупредила Анник. — Там его труднее будет достать.

— Почему? — требовательно спросил Валин, взглядываясь в лицо брата. — Зачем он тебе живой?

Каден перелил мятущиеся мысли в русло, а из русла — в речь. Второго случая сказать то, что следует, не представится. Выпущенную стрелу назад не вернешь.

— Мы его знаем, — медленно начал он. — Он нам нужен. В Аннуре проследим, с кем он говорит, кому доверяет. Он может нам раскрыть заговор.

— Ну да, — огрызнулась Гвенна, — а попутно убьет еще десяток-другой человек.

— Уходит, — сказала Анник. — Решайте.

— Да ради Шаэля! — буркнул Лейт. — Кончай его, и все тут. В деталях после разберемся.

— Нет, — торопливо возразил Каден, всем сердцем желая, чтобы брат увидел дальше своего носа, понял его мысль.

Стиснув зубы и сощурился глазами, Валин долго удерживал взгляд Кадена. И наконец кивнул:

— Отставить, Анник. Выполняем приказ.

Стейвли Б.

С 79 Хроники Нетесаного трона. Книга 2 : Огненная кровь : роман / Брайан Стейвли ; пер. с англ. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-21115-5

Заговор с целью уничтожения правящей семьи Аннура далек от завершения.

Дочь императора Адер, узнав, кто именно убил отца, приходит в замешательство. Она принимает решение покинуть Рассветный дворец, чтобы найти союзников и бросить вызов тем, кто замыслил свергнуть с трона династию Малкенианов. Немногие доверяют ей, но под покровительством древней богини света Адер удастся собрать армию под свои знамена.

Тем временем у границы империи собираются несметные полчища воинственных кочевников, с которыми вступает в сговор отступник из элитного боевого подразделения, Валин, брат Адер. Оба они преследуют одну цель — отомстить за смерть отца, однако столкновение между ними кажется неизбежным...

Тем временем Каден, законный наследник Нетесаного трона, проникает в столицу Аннурской империи с помощью двух странных спутников. Они обладают особыми знаниями, которые могут спасти Аннур или уничтожить его...

«Огненная кровь» — вторая книга трилогии «Хроники Нетесаного трона».

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

БРАЙАН СТЕЙВЛИ

ХРОНИКИ НЕТЕСАНОГО ТРОНА

КНИГА 2

ОГНЕННАЯ КРОВЬ

Ответственный редактор Янина Жухлина

Редактор Ольга Дервенева

Художественный редактор Татьяна Павлова

Технический редактор Валентина Дик

Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.06.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-30046-01-R